

С. Ф. Кокшаров*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИПЧИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ липчинской культуры ведется с 1953 г., когда были опубликованы материалы Липчинской стоянки, расположенной в нижнем течении р. Туры¹. Информация о культуре содержится в научных, энциклопедических изданиях и учебных пособиях. Однако до сих пор не удалось решить многие вопросы, связанные с исследованием липчинских памятников. Прежде всего, археологи не пришли к единому мнению в определении декоративных характеристик липчинской керамики. Она является не только самым массовым материалом с поселений, но и своеобразной визитной карточкой древностей этого типа. Расхождения во взглядах на ее типологические признаки, в свою очередь, накладывают отпечаток на изучение других сторон культуры: выяснение своеобразия липчинских объектов среди других энеолитических образований, определение границ их распространения, времени существования и т.д. Признавая значимость керамики в изучении различных аспектов липчинской культуры, попытаемся проследить эволюцию представлений специалистов на этот вид источников.

Первое описание керамики из раннего слоя Липчинской стоянки было составлено В. Н. Чернецовым. Он не исследовал памятник лично, а работал с материалами раскопок П. А. Дмитриева и Д. Россомахина, которые передали свои находки в фонды Тюменского музея.

Коллекция представлена сосудами митровидной и параболоидной формы, имеющими утолщение или наплыв с внутренней стороны. Внешние стенки полностью покрыты орнаментом, нанесенным различными видами гребенчатого штампа, палочкой подтреугольного или овального сечения, отступающей лопаточкой и гребенкой, зубчатой качалкой, которыми выполнены горизонтальные полосы и сплошное заполнение поля. Круглые ямки, как правило, наносились лишь по венчику, либо ими ограничивались орнаментальные зоны. Приведенное описание дополнено иллюстрацией, не оставляющей сомнений в энеолитическом возрасте данной коллекции².

Материал стоянки выглядит разнородным. Это проявляется в сочетании различных технических приемов орнаментации, наличии сосудов, украшенных линейными и геометрическими узорами. Смешанный характер коллекции отмечался и другими исследователями³.

---

* Кокшаров Сергей Федорович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург).

¹ Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. № 35. С. 38.

² Чернецов В. Н. Указ. соч. С. 38, табл. XIV.

³ Бадер О. Н. Уральский неолит // МИА. 1970. № 166. С. 163; Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980. С. 147–149.; Ковалева В. Т., Чаиркина Н. М. Этнокультурные и этногенетические процессы в Среднем Зауралье в конце каменного начале бронзового века: итоги и проблемы исследования // ВАУ. Вып. 20. Екатеринбург, 1991. С. 63.

В последующие годы была очерчена территория липчинской культуры, в которую включено не только Тюменское Притоболье, но и лесное Зауралье⁴.

Особенности декора керамики позволили В. Ф. Старкову поднять вопрос о двухкомпонентности липчинских комплексов. К первому он отнес посуду, украшенную отступающе-накольчатой или «ложношнуровой» техникой орнаментации, а ко второму – с гребенчатыми узорами⁵. Мнение исследователя о сочетании на липчинской керамике двух типов орнаментации разделяют и другие исследователи⁶.

В процессе картографирования установлено преобладание посуды с «ложношнуровой» техникой орнаментации в южных районах культуры и в западной части липчинского ареала (в свердловско-тагильском регионе)⁷. На тюменских поселениях и на самой Липчинской стоянке она немногочисленна. Второй прием более характерен для северных районов культуры⁸. Горшки, орнаментированные гребенкой, имеющей, в том числе, косую нарезку зубцов, отнесены В. Ф. Старковым к моршининскому типу, выделенному в составе липчинских комплексов.

Значительное влияние на все последующие исследования липчинской и других энеолитических культур Урала и Притоболья оказали труды М. Ф. Косарева. В его работах проблемам энеолита посвящены отдельные сюжеты, в которых дана реконструкция исторических процессов в обоих районах. Он предположил, что отдельные орнаментальные традиции – отступающе-прочерченная, в том числе «ложношнуровая», гребенчатая, гребенчато-ямочная – могут отражать своеобразие оставившего их населения, и поставил вопрос об уникальности Тюменского Притоболья, которое называл своеобразным этнокультурным «заповедником». По мнению М. Ф. Косарева, здесь одновременно жили «три разные в культурном (этническом?) отношении группы населения – липчинцы, шапкульцы и носители гребенчато-ямочной традиции»⁹. Такое деление условно, поскольку признавалось сложение «гибридных» образований на стыках ареалов, в керамике которых сочетались черты двух-трех декоративных традиций.

В одной из поздних работ исследователь уже не столь категоричен в исторических интерпретациях, а занятая им позиция существенно отличается от ранних взглядов, которые были восприняты как руководство к действию многими его последователями из числа уральских и сибирских археологов. В частности, он отмечает, что группировка керамики, исходя из особенностей ее декора, выбрана им для «более системной подачи материала»¹⁰. К сожалению, это важное пояснение М. Ф. Косарева осталось незамеченным.

Специфические условия залегания археологического материала в горно-лесных районах Урала, где в силу геологических особенностей не всегда четко

⁴ Старков В. Ф. Указ. Соч., с. 148.

⁵ Там же. С. 147–149.

⁶ Стефанов В. И., Кокшаров С. Ф. Северное Зауралье накануне бронзового века // СА. 1990. № 3. С. 60–61; Ковалева В. Т., Клементьева Т. Ю. История изучения аятской культуры // Четвертые берсовские чтения. Екатеринбург, 2004. С. 16.

⁷ Старков В. Ф. Культуры периода раннего металла // Вопросы археологии Урала. Вып. 15. Свердловск, 1981. С. 67; Ковалева В. Т. Энеолитическое поселение на Андреевском озере // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977. С. 102–103.

⁸ Старков В. Ф. Указ. Соч. С. 69.

⁹ Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. С. 59.

¹⁰ Косарев М. Ф. Из древней истории Западной Сибири: Общая историко-культурная концепция. М., 1993. С. 39.

устанавливается стратиграфическое положение находок, привели исследователей ко вполне естественному обращению к типологическому методу и, как следствие, абсолютизации его возможностей. Из состава коллекций вычленились емкости, украшенные в одной – «ложношнуровой» – технике. За подобной посудой закрепилось определение «классической» липчинской керамики¹¹. В свою очередь, она была объявлена основным атрибутом эпонимной археологической культуры¹². В. Ф. Старков приписывает подобный взгляд на декор липчинской керамики В. Н. Чернецову, хотя не приводит никаких ссылок на его работы¹³. Исключение из липчинских комплексов керамики с гребенчатыми узорами привело к существенному смещению центра эпонимной культуры с низовьев р. Туры, места локализации Липчинской стоянки, на запад, в горную часть Урала.

В настоящее время исследователи ведут речь о «*ложношнуровой орнаментации*» или «*отступающе-накольчатой технике*» липчинского типа¹⁴. Еще дальше идет тюменский археолог Е. Н. Волков. По его мнению, именно эта оригинальная манера, используемая для воспроизведения геометрических узоров, воплощает в себе так называемый «*липчинский орнаментальный (культурный) стандарт*»¹⁵. Однако обращение к определению «стандарт» не может быть принято по ряду причин.

Во-первых, нельзя признать удачным его использование по отношению к остаткам материальной культуры (точнее, образцам декоративного творчества!), оставленным первобытными коллективами. Достаточно вспомнить, что проблема соблюдения ГОСТов достаточно актуальна и в наше время. Во-вторых, умеренное оперирование понятием ведет к прямо противоположному результату: возникает неверие в его существование. В качестве примера приведу рассуждения Е. Н. Волкова по поводу энеолитических материалов поселения Имбиряй-1 в Притоболье. По его мнению, вторая группа керамики поселения в равной степени сопоставима как с липчинской, шапкульской, так и посудой, «*характеризующей лыбаевский орнаментальный стандарт*»¹⁶. Судя по всему, этот комплекс столь специфичен, что исследователь начинает путаться с определением его культурной принадлежности. Как следствие, возникают сомнения в неповторимости как липчинского, так и лыбаевского «стандартов». В-третьих, особенности липчинской посуды в Тюменском Притоболье проявляются в ее украшении крупнонакольчатым орнаментом, который рассматривается в качестве разновидности ложношнуровой техники¹⁷. Этот взгляд не разделяют тюменские археологи, использующие по отношению к ней другое крайне неудачное и расплывчатое определение – «гребенчато-ямочные комплексы»¹⁸.

¹¹ Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. С. 42.

¹² Шорин А. Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: Проблемы культурогенеза. Екатеринбург, 1999. С. 61; Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург, 2005. С. 53, 60 и др.

¹³ Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. С. 147.

¹⁴ Мосин В. С. Энеолит Южного Зауралья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 2 (18). С. 84; Чаиркина Н. М. Указ. Соч. С. 69, 81.

¹⁵ Волков Е. Н. Энеолитический комплекс поселения Двухозерное-1 // ВААЭ. Вып. № 4. Тюмень, 2002. С. 67.

¹⁶ Волков Е. Н. Поселение Имбиряй-1 // ВААЭ. Вып. № 5. Тюмень, 2004. С. 34.

¹⁷ Ковалева В. Т. Энеолитическое поселение на Андреевском озере. С. 99, 102.

¹⁸ Панфилов А. Н. Многослойное поселение Серебрянка 1 в Нижнем Приишимье. Итоги полевых исследований. Препринт. Тюмень, 1993. С. 24; Волков Е. Н. Лыбаевские древности лесостепного Притоболья (эпоха энеолита) // ВААЭ. Вып. № 7. 2006. С. 31;

Отступающе-накольчатая техника орнаментации известна и на керамике других энеолитических памятников и культур юга Западной Сибири. В. Ф. Старков отмечает, что посуда с «ложношнуровым орнаментом, правда, несколько иного вида, чем на липчинской керамике» встречена и в составе шапкульского комплекса поселения Малый Барашек I¹⁹. Учитывая значительное сходство липчинской и шапкульской керамики по декору (ярко выраженному геометризму)²⁰, различия между обоими комплексами становятся еще менее ощутимыми. Оригинальная манера воспроизведения узоров в технике «ложного шнура» была обнаружена далеко к востоку от Притоболья, на энеолитической керамике поселения Тух-Сигат IV в Васюганье²¹.

Несмотря на присутствие «классической» липчинской керамики в небольшом количестве на памятниках лыбаевской культуры: могильнике Бузан 3, поселениях Лебяжий Борок 17 и Двухозерное 1, Е. Н. Волков заключает, что «липчинская культура в Тоболо-Исетском междуречье самостоятельного значения не имеет»²². Он идет дальше, предлагая провести ревизию памятников, отнесенных ранее к числу липчинских и исключить Тюменское Притоболье из ареала этой культуры²³. Между тем, даже сторонники выделения «классической» липчинской посуды включают Среднее и Нижнее Притоболье в границы распространения липчинских поселений²⁴.

Весьма любопытные результаты дал анализ энеолитических коллекций с 323 памятников Среднего Зауралья. Выяснилось, что здесь «классическая» липчинская посуда крайне редко встречается в «чистом» виде. Она отмечена лишь на 14 пунктах или 4,5 % поселений, из которых раскопками изучена лишь одна стоянка – Исетское XIII. В числе торфяниковых объектов, давших исключительно «ложношнуровую» керамику, упоминается Дальний «разрез» Горбуновского торфяника²⁵. В других случаях ее сопровождают сосуды шувакишского и аятского типов, украшенные гребенчатыми узорами²⁶. Вследствие вычленения из коллекций посуды с «ложношнуровым» орнаментом подавляющая часть липчинских поселений горно-лесного Урала и собственно Липчинская стоянка объявлены памятниками со смешанными материалами.

Отнесение к липчинским комплексам керамики, украшенной исключительно в технике «ложного шнура», привело ко вполне ожидаемой «кризисной» ситуации в изучении самой археологической культуры.

Челябинский археолог В. С. Мосин констатирует, что отступающе-накольчатая или «ложношнуровая» керамика присутствует практически на всех памятниках лесной, лесостепной и степной зон Зауралья. Она имеется на большинстве

Зах В. А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья // Автореф. дисс. ... д. и. н. Новосибирск, 2006. С. 31–32.

¹⁹ Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. С. 165.

²⁰ Старков В. Ф. Стоянка Шапкуль I и особенности энеолита в лесном Зауралье // Вопросы археологии Приобья. Вып. 1. Тюмень, 1976. С. 47.

²¹ Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул, 2004. С. 47.

²² Волков Е. Н. Лыбаевские древности лесостепного Притоболья. С. 34;

²³ Там же. С. 22; Волков Е. Н. Формирование раннеэнеолитических культур Тюменского Притоболья (к постановке проблемы) // ВИАЭ. Вып. № 8. Тюмень, 2007. С. 13.

²⁴ Шорин А. Ф. Энеолитические культуры Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 1999. С. 8; Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. С. 279.

²⁵ Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. С. 51, 53, 67.

²⁶ Там же. С. 270.

памятников аятской культуры в Среднем Зауралье²⁷, на поселениях кысыкульско-суртандинской культуры Южного Зауралья, где она составляет 10–12 % от числа орнаментированных фрагментов²⁸. Исследователь считает неправомерным рассматривать эту посуду, встреченную в составе поселенческих комплексов Южного и Среднего Зауралья, как «примесь» самостоятельной липчинской культуры. Отсутствие поселений с исключительно «классической» посудой привело его к постановке вполне закономерного вопроса – а была ли вообще липчинская культура?²⁹ Правда, отрицая ее существование, В.С. Мосин сохраняет определение «липчинский тип» по отношению к своеобразной технике нанесения орнамента. Не столь категорична в рассуждениях Н.М. Чаиркина, применяющая по отношению к липчинским древностям обтекаемый термин «культурный тип памятников», созвучный и одновременно не тождественный понятию археологическая культура³⁰.

Итак, мы видим полный спектр мнений, наметившихся по поводу облика липчинской керамики. Одни исследователи воспринимают многокомпонентность или двухкомпонентность липчинских керамических комплексов и допускают их локальные различия. Другие археологи предлагают отнести к липчинской посуду исключительно с отступающе-накольчатой («ложношнуровой») орнаментацией. Третьи ставят под сомнение само существование липчинской керамики и культуры, предлагая отказаться от этих понятий, но сохраняя определение «техника орнаментации липчинского типа».

Выход из сложившейся тупиковой ситуации существует и он достаточно прост. Необходимо вновь обратиться к источникам, которые бы вызвали полное доверие археологов.

Выше отмечалось, что Липчинская стоянка отнесена к поселениям со смешанным материалом. Она изучалась достаточно давно, без соблюдения современных методик раскопок и, конечно же, вероятность перемешанности находок очень высока. Этот факт неоднократно отражен в работах многих исследователей (В. Ф. Старкова, В. Т. Ковалевой, М. Ф. Косарева и др.). Н. М. Чаиркина, изучавшая стоянку в 1995–1996 гг., также констатировала совместное залегание разнотипной энеолитической керамики в слое памятника³¹.

Интересно, что археологи существенно расходятся во взглядах по поводу наличия или отсутствия смешанных слоев и на других памятниках липчинской культуры. С одной стороны, в монографии В. Ф. Старкова упомянуты 6 однослойных памятников и «закрытых комплексов жилищ» липчинской культуры, среди которых постройки в раскопе 6 на Андреевском озере, верхнее жилище на стоянке Сосновый Остров, нижний слой 6-го разреза Горбуновского торфяника, поселения Моршининское, Ипкуль I и другие объекты³². С другой стороны, М. Ф. Косарев, А. Ф. Шорин и другие специалисты говорят об отсутствии «чистых» липчинских поселений³³. Нестыковка позиций по данному вопросу обу-

²⁷ Мосин В. С. Керамика Южного Зауралья и Северного Казахстана. Челябинск, 2003. С. 75;

²⁸ Мосин В. С. Мезолит – энеолит Южного Зауралья // Автореф. дисс. ... д. и. н. Новосибирск, 2005. С. 35.

²⁹ Там же.

³⁰ Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. С. 279.

³¹ Там же. С. 278.

³² Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. С. 148–149.

³³ Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. С. 42; Шорин А. Ф. Энеолитические культуры Урала. С. 8.

словлена различиями во взглядах исследователей на облик самого массового материала – керамики, о чем подробно говорилось выше.

Из числа однослойных или хорошо стратифицированных поселений, раскопанных на территории горно-лесного Урала и Притоболья, можно выделить Моршининскую стоянку и археологические объекты на Андреевском озере: раскоп 6 на северном берегу и восьмой участок на южном берегу. Материалы этих памятников опубликованы и качество проведенных раскопок не вызывает сомнений. Большой интерес для нас представляют не только коллекции вещей и объекты, с которыми они связаны, но и комментарии археологов, обсуждающих полученные находки.

Моршининское поселение, исследованное В. Ф. Старковым, расположено в горно-лесном Зауралье, на заболоченном берегу одноименного озера. Оно любопытно тем, что представляет собой однослойный памятник, оставленный людьми из-за повышения уровня воды в озере. Впоследствии культурный слой был законсервирован стерильным слоем галечника. Из 160 предметов, найденных на поселении, 60 % составляет керамика, содержащая в качестве примеси тальк. Из приемов орнаментации отмечается печатная и шагающая гребенка и ямки, размещенные в верхней части сосудов. Из гребенчатых орнаментов особо отмечены штампы с косой нарезкой зубцов, инструмент, «раздутый» посередине, с короткими зубцами, именуемый «гусеничным»³⁴. Лишь 13 черепков из коллекции украшены узором в виде взаимопроникающих треугольников, выполненных методом ложного шнура. Орудия представлены наконечником стрелы иволжистой формы из кварца, скребком и проколкой из кремня, двумя массивными ножами на отщепе, ретушером из кварцевой гальки и обломками шлифовальных плит³⁵.

Любопытны рассуждения археологов по поводу липчинской керамики с гребенчатыми орнаментами, отнесенной В. Ф. Старковым к особому моршининскому типу. Автор раскопок предполагает, что соотношение керамики с отступающе-накольчатой и гребенчатой орнаментацией может отражать как локальные, так и хронологические особенности памятников липчинской культуры³⁶. Если на Моршининском поселении количество керамики, орнаментированной гребенчатыми штампами, достигает 86,9 %³⁷, то материалы из Притоболья демонстрируют существенный разброс в использовании гребенчатых штампов. Частота их встречаемости на липчинских поселениях Андреевского озера варьирует от 28,6 до 60,9 %³⁸.

В. Ф. Старков отмечает, что липчинская керамика с гребенчатыми узорами особенно близка южноуральской суртандинской³⁹. К нему присоединяется М. Ф. Косарев, говорящий о сложении липчинской культуры на территории Нижнего Притоболья при участии «суртандинских и родственных им (моршининских?) групп с населением, пришедшим из восточных районов Западной Сибири»⁴⁰. По-

³⁴ Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. С. 155.

³⁵ Там же. С. 155, 157.

³⁶ Старков В. Ф. Культуры периода раннего металла, С. 69.

³⁷ Там же.

³⁸ Юровская В. Т. Классификация и относительная хронология археологических памятников эпохи бронзы на Андреевском озере у г. Тюмени // ВАУ. Вып. 12. Свердловск, 1973. См. табл. на с. 6; Ковалева В. Т. Энеолитическое поселение на Андреевском озере. С. 99.

³⁹ Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. С. 157.

⁴⁰ Старков В. Ф. Культуры периода раннего металла. С. 42.

зиция А. Ф. Шорина по этому поводу уклончива. Он рассматривает моршининскую посуду как «компонент липчинской или аятской культуры, население которых на определенном этапе своего развития активно взаимодействовало между собой»⁴¹. Однако в одной из поздних работ он фактически разделил моршининскую и липчинскую орнаментальные традиции⁴². Наконец, отметим мнение Н. М. Чаиркиной, отклоняющей использование термина «гребенчатая липчинка»⁴³. Столь радикальное решение вопроса напоминает подход В. С. Мосина в отношении «классических» липчинских комплексов. Его принятие означало бы игнорирование материалов Моршининского поселения.

Действительно, исключение из липчинских комплексов посуды с гребенчатыми орнаментами имеет свое объяснение. Это позволило бы археологам избежать обсуждения крайне неудобной темы: выяснения различий между посудой липчинской и аятской культур. Если же учесть, что «основные характеристики аятской посуды почти полностью совпадают с признаками кысыкульско-суртандинской керамики и в значительной степени с ботайской и северо-тургайской»⁴⁴, а также ставится знак равенства между раннеаятскими и шuvaкишскими материалами⁴⁵, то глубина поднятой проблемы становится еще более очевидной. Задачи, стоящие перед исследователями аятских древностей, действительно велики и наиболее полно перечислены в одной из работ А. Ф. Шорина⁴⁶. Вместе с тем, отдельные специалисты не исключают компромиссного варианта, когда оперируют такой дефиницией как липчинско-аятская культура⁴⁷. По А. Ф. Шорину, на основе «смешанных липчинско-аятских» комплексов возникает производная от них кысыкульская культура⁴⁸. Похоже, что сторонником объединения энеолитических древностей выступает В. С. Мосин, выделяющий новую археологическую культуру – центральноуральскую, в состав которой он включает памятники кысыкульского, суртандинского, аятского и липчинского типов⁴⁹.

Жилище с керамикой липчинского типа исследовано в раскопе 6 на северном берегу Андреевского озера (САО-6) в Нижнем Притоболье. Судя по статистической таблице, помещенной в публикации, данный комплекс также является многокомпонентным, так как для него характерно сочетание различных технических приемов орнаментации керамики: печатной, отступающей и, единично, шагающей гребенки, отступающей палочки и наколов, ямок. В слое с липчинской посудой найдены обломки пластин из черного кремня, рыболовные грузила биконической формы, шило и пластинка из металла⁵⁰.

⁴¹ Шорин А. Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий. С. 62.

⁴² Шорин А. Ф. Аятская культура: возможности анализа археологических источников и реконструкции истории ее населения // Четвертые берсовские чтения. Екатеринбург, 2004. С. 23.

⁴³ Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. С. 199.

⁴⁴ Мосин В. С. Керамика Южного Зауралья и Северного Казахстана. С. 71.

⁴⁵ Шорин А. Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий. С. 61.

⁴⁶ Шорин А. Ф. Аятская культура. С. 23.

⁴⁷ Корочкова О. Н., Стефанов В. И., Стефанова Н. К. Культуры бронзового века предтаежного Обь-Иртышья (по материалам работ УАЭ) // ВАУ. Вып. 20. Екатеринбург, 1991. С. 91.

⁴⁸ Шорин А. Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий. С. 64, 70.

⁴⁹ Мосин В. С. Центральный Урал в IV–III тыс. до н.э. // ВАУ. Вып. 25. Екатеринбург, 2007. С. 169.

⁵⁰ Юровская В. Т. Классификация и относительная хронология, табл. 1.

Этот поселенческий комплекс не привлек к себе внимания специалистов и не вызвал столь горячих дискуссий как материалы другого памятника, раскопанного на оз. Андреевском, речь о котором пойдет ниже.

Поселок из 6 энеолитических жилищ изучен В. Т. Ковалевой на восьмом участке южного берега Андреевского озера (ЮАО–VIII)⁵¹. Здесь собрана представительная коллекция находок, составляющих, по ее мнению, единый комплекс. Керамика включает обломки 120 сосудов, которые по особенностям орнамента отнесены к двум типам. Посуда первого типа украшена отпечатками гребенчатых штампов, выполненных в технике печати, отступания и шага. Среди узоров встречаются горизонтальные и вертикальные зигзаги, горизонтальные полосы из наклонных линий, реже – треугольники и ромбы⁵². Второй тип керамики декорирован отпечатками палочки и фигурного штампа. Рабочая поверхность инструмента имела различное оформление – была заостренной, подтреугольной, ромбической, лепестковидной и т.п. К этой же посуде отнесены черепки с орнаментом в виде «отступающей палочки». Примечательно, что по составу узоров сосуды обоих типов очень близки между собой.

В. Т. Ковалева пыталась разграничить оба типа по стратиграфическому положению, но вынуждена была констатировать, что они встречены вместе на дне жилищ и за их пределами, правда, наблюдается численное преобладание первого⁵³. Вместе с керамикой найдено большое количество каменных орудий (в частности, 9 наконечников стрел кельтеминарского типа, скребки), отходы их производства и однотипные рыболовные грузила в виде стержней биконической формы.

Подводя итоги, В. Т. Ковалева отмечает сходство посуды обоих типов по форме, технологии, и относит их к одной эпохе, «*ее хронологически близким подразделением*». Если гребенчатый комплекс она ассоциирует с керамикой шапкульского типа, то посуда с крупнонакольчатым орнаментом отнесена ею к варианту «ложношнуровой липчинки»⁵⁴. О жилище с керамикой липчинского типа, раскопанном на ЮАО–VIII, упоминается в статье Г. Н. Матюшина⁵⁵. В диссертационном исследовании В.Т. Ковалевой и более поздних публикациях поселение ЮАО–VIII фигурирует в числе шапкульских памятников⁵⁶. Однако шапкульская принадлежность объекта не убеждает М. Ф. Косарева. Он полагает, что отнесение к шапкульской культуре гребенчато-ямочной керамики поселения ЮАО–VIII ведет к потере своеобразия «шапкульского культурного комплекса, он стал более расплывчатым по ареалу и очень аморфным по признакам»⁵⁷. Замечание было учтено в совместной работе В. Т. Ковалевой и Н. М. Чаиркиной. Они соглашаются, что объединение малочисленных шапкульских поселений в культуру проведено поспешно и более корректно говорить о шапкульском типе керамики и типе памятников⁵⁸.

⁵¹ Ковалева В. Т. Энеолитическое поселение на Андреевском озере. С. 89–103.

⁵² Там же. С. 99.

⁵³ Ковалева В. Т. Энеолитическое поселение на Андреевском озере. С. 99, 101–102.

⁵⁴ Там же. С. 102–103.

⁵⁵ Матюшин Г. Н. О Наконечниках кельтеминарского типа на Урале // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975. С. 146.

⁵⁶ Ковалева В. Т. Среднее Зауралье в переходное время от неолита к бронзовому веку // Автореферат дисс. ... к.и.н. М., 1979. С. 10; Она же. Энеолит Среднего Зауралья: Андреевская культура: Препринт. Екатеринбург, 1995. С. 21; Ковалева В. Т., Клементьева Т. Ю. История изучения аятской культуры. С. 16.

⁵⁷ Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. С. 46.

⁵⁸ Ковалева В. Т., Чаиркина Н. М. Этнокультурные и этногенетические процессы. С. 64.

Керамическая коллекция ЮАО–VIII, представляющая единый комплекс, имеет неординарный облик. Она неоднократно привлекала внимание специалистов, и неизменно расценивалась как нетипичная, не укладывающаяся в рамки существующих типологических схем. Выяснение и объяснение причин, обусловивших особенности комплекса, продолжается и по настоящий день.

В одной из поздних монографий М. Ф. Косарева поселение фигурирует сразу в двух качествах. С одной стороны, гребенчатую керамику, рассматриваемую В. Т. Ковалевой как шапкульскую, он относит к особому козловскому типу, и соответственно, ведет речь о памятниках козловского типа, которые в целом архаичнее аятских, хотя и входят в тот же гребенчатый энеолитический пласт. С другой стороны, ЮАО–VIII упоминается им как поселение, с которого происходит представительная коллекция липчинской посуды⁵⁹. Не вступая в дискуссии с В. Т. Ковалевой и М. Ф. Косаревым, Н. М. Чаиркина находит возможным рассматривать гребенчатый комплекс ЮАО–VIII как особый протошапкульский тип. По ее мнению, на поселении он залегает вместе с керамикой липчинского и андреевского типов⁶⁰. Ей категорически возражают В. Т. Ковалева и Т. Ю. Клементьева, указывающие на необоснованность выделения протошапкульской посуды на материалах ЮАО–VIII⁶¹.

Со своей стороны, укажу на странное присутствие на ЮАО–VIII керамики андреевского типа, отмеченное Н. М. Чаиркиной. Обратившись к статистической таблице, помещенной в публикации материалов поселения, можно заметить, что частота встречаемости ямок, характерных для орнамента андреевской посуды, ничтожно мала⁶². Иллюстрации, сопровождающие статью, также не содержат ни одного андреевского фрагмента. Опубликованные данные скорее опровергают, чем подкрепляют заключение о наличии на поселении керамики андреевской культуры.

На приведенных примерах можно увидеть, что за единым керамическим комплексом ЮАО–VIII надежно закрепилось определение «гибридный». Необычный облик материала объясняется археологами двояко. С одной стороны, он рассматривается как окончательно не оформившийся и, поэтому, не укладывающийся в прогнозируемые характеристики. В других случаях, указывается на пограничное положение памятника, который находится на стыке различных культур.

Любопытно, что материалы ЮАО–VIII – керамика, изделия из камня, в частности, наконечники кельтеминарского типа – никак не комментируются тюменскими археологами, ведущими активные исследования в Притоболье. Возможно, это обусловлено неоднозначными оценками памятника со стороны археологов, мнения которых были приведены выше. Между тем, находки с ЮАО–VIII хорошо перекликаются с материалами, которые относятся Е. Н. Волковым к лыбаевской культуре⁶³. Что же представляет собой посуда лыбаевского типа?

В декоре лыбаевской керамики Е. Н. Волков отмечает «три основных стандарта»: «короткогребенчатый», «длинногребенчатый» и «отступающе-накольчатый», выделенные в отдельные типы. Как и следовало ожидать, параллели первому типу исследователь видит в шапкульских комплексах, второй тип наи-

⁵⁹ Косарев М. Ф. Из древней истории Западной Сибири. С. 47–48, 52.

⁶⁰ Чаиркина Н. М. Зауральско-североказахстанская культурно-историческая область эпохи энеолита // Уральский исторический вестник. Вып. 4. Урал в системе культурных и хозяйственных связей в древности и средневековье. Екатеринбург, 1997. С. 30.

⁶¹ Ковалева В. Т., Клементьева Т. Ю. Указ. соч. С. 18.

⁶² Ковалева В. Т. Энеолитическое поселение на Андреевском озере. С. 100.

⁶³ Волков Е. Н. Лыбаевские древности лесостепного Притоболья. С. 22–35.

более близок «гребенчатой липчинке» – моршининской посуде, а третий имеет определенные аналогии с «классической» «ложношнуровой» керамикой липчинской культуры⁶⁴. По его мнению, сочетание трех приемов орнаментации придает яркость и самобытность лыбаевской декоративной традиции, что выделяет этот комплекс «среди всех известных на сегодня культурных традиций Среднего Зауралья»⁶⁵. По существу перед нами тот случай, когда археологи заходят, что называется, на «второй круг» при обсуждении многокомпонентных и «нестандартных» материалов, сопоставимых с ЮАО–VIII.

Имея дело с керамикой, обладающей столь различными декоративными характеристиками, автор вполне резонно предполагает, что вряд ли на лыбаевских поселениях, «ограниченных сравнительно непродолжительным временем, последовательно селилось шапкульское, липчинское и моршининское население»⁶⁶.

В данном случае совершенно непринципиально и второстепенно как мы будем именовать впредь подобные памятники и керамику – липчинскими, шапкульскими или лыбаевскими – важно привыкать к многокомпонентному облику комплексов Зауралья и Притоболья, которые будут характеризовать энеолитические древности в рамках определенного хронологического горизонта.

При существенных разногласиях в определении особенностей липчинской и других культур археологи сходятся во взглядах о необходимости объединения средне- и южноуральских а также ряда западносибирских энеолитических древностей в составе культурно-исторических общностей и областей. Этот вопрос поднимался еще в 1990 г. при публикации материалов поселений р. Атымы⁶⁷. Почти одновременно предложено сразу несколько определений для обозначения данного явления: зауральская общность энеолитических культур геометрической керамики⁶⁸, Зауральско-Северо-Казахстанская культурно-историческая область⁶⁹, Зауральско-Казахстанская культурно-историческая область культур гребенчатого геометризма⁷⁰. В перечисленных образованиях фигурируют примерно одни и те же памятники, общей чертой которых является керамика со специфической орнаментацией. Однако приведенные понятия нельзя признать удачными по следующим причинам. Во-первых, под Зауральем подразумевается неопределенно обширное пространство, лежащее к востоку от Урала. Во-вторых, следует согласиться с доводами С. С. Калиевой, указывающей на этнополитический подтекст таких определений как «казахстанский» и «североказахстанский». Вряд ли они уместны по отношению к изучаемому периоду⁷¹. В-третьих, авторы предлагаемых концепций фактически продолжают развитие взглядов О. Н. Бадера, рассматривавшего энеолитические памятники указанной территории в рамках лип-

⁶⁴ Волков Е. Н. Лыбаевские древности лесостепного Притоболья. С. 26–28.

⁶⁵ Там же. С. 32; *Он же*. Энеолитический комплекс поселения Двухозерное-1. С. 69.

⁶⁶ Волков Е. Н. Энеолитический комплекс поселения Двухозерное-1.

⁶⁷ Стефанов В. И., Кокшаров С. Ф. Северное Зауралье накануне бронзового века. С. 62.

⁶⁸ Калиева С. С. Энеолит Тургайского прогиба // Автореф. дисс. ... к. и. н. Л., 1990. С. 13–16; *Она же*. О зауральской общности энеолитических культур геометрической керамики // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2001. С. 154–156.

⁶⁹ Чаиркина Н. М. Среднее Зауралье в эпоху энеолита (культурно-генетический аспект) // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993. С. 217.

⁷⁰ Шорин А. Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий (проблемы культурогенеза) // Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. д.и.н. Новосибирск, 1995. С. 14–24.

⁷¹ Калиева С. С. О зауральской общности энеолитических культур. С. 154–156.

чинского этапа восточно-уральской историко-культурной области⁷². Этот подход представляется наиболее оптимальным, так как он объясняет причины схожести керамики различных энеолитических культур. Наконец, важно подчеркнуть приоритет взглядов О. Н. Бадера по данному вопросу⁷³.

В рамках восточно-уральской области предложено рассматривать разновременные атымьинские и волвончинские поселения Кондинской низменности, представляющие собой вариант липчинской культуры⁷⁴. Во избежание дальнейшего недопонимания следует внести следующие пояснения. Соотнесение материалов северных памятников с липчинскими не означает, что они оставлены населением липчинской культуры Среднего Зауралья или Притоболья. Для подобной интерпретации археологического материала у нас нет достаточных оснований. Речь может идти о близости или значительном сходстве культуры горно-уральского и части западносибирского населения в конкретный период, за которым следует сохранить название липчинский, предложенное ранее О. Н. Бадером.

Многокомпонентность, отличающая липчинские керамические комплексы, проявляется на материалах атымьинского типа. На местной керамике также отмечается сочетание различных по форме гребенчатых штампов и способов нанесения орнамента (техника печати, отступания и шага). В коллекциях присутствуют сосуды, украшенные монотонными и геометрическими узорами, в расположении которых отмечена горизонтальная и вертикальная зональность. Наиболее близка посуде липчинской культуры керамика самых ранних атымьинских поселений – Атымья VII, Карым IX, Пашкин Бор VI и др.

Наблюдаемая схожесть угасает на керамике поздних атымьинских памятников и в волвончинских комплексах. Это проявляется в увеличении количества гребенчатых узоров, увеличении размеров инструментов и величине зубцов штампов, исчезновении отступающей техники орнаментации. При этом сохраняются и модифицируются узоры, построенные на основе сеток с ячейками в форме ромбов, прямоугольников, шестиугольников («сотый орнамент»). Особенности волвончинских комплексов проявляется в присутствии группы посуды, украшенной глубокими вдавлениями гребенчатых штампов, которые, располагаясь в шахматном порядке, делят орнаментальные композиции на широкие бордюры. Последние, нередко, рассечены вертикальными колонками.

Яркие и своеобразные энеолитические материалы р. Атымьи не остались незамеченными специалистами. М. Ф. Косарев, сопоставил атымьинские и липчинские комплексы и согласился, что они «генетически родственны и относятся к единому этнокультурному массиву»⁷⁵.

Предложения по выделению локальных вариантов липчинской культуры⁷⁶, были поддержаны в целом Н. М. Чаиркиной⁷⁷. Атымьинские памятники фигури-

⁷² Бадер О. Н. Уральский неолит. С. 163, рис. 2.

⁷³ Кокшаров С. Ф. Восточно-уральская культурно-историческая общность эпохи энеолита // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Тезисы докладов XII Уральского археологического совещания. 19–22 апреля 1993 г. Екатеринбург, 1993. С. 90.

⁷⁴ Кокшаров С. Ф. Восточно-уральская культурно-историческая общность эпохи энеолита С. 88–90.

⁷⁵ Косарев М. Ф. Из древней истории Западной Сибири. С. 55.

⁷⁶ Ковалева В. Т. Энеолитическое поселение на Андреевском озере. С. 99; Старков В. Ф. Культуры периода раннего металла. С. 67–69; Стефанов В. И., Кокшаров С. Ф. Северное Зауралье накануне бронзового века. С. 61.

⁷⁷ Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья // Автореф. дисс. ... к. и. н. Новосибирск, 1995. С. 17–18.

руют в ее работах в качестве северозауральского варианта липчинской культуры⁷⁸. Исследователь подчеркивает, что в атымьинской керамике наиболее органично сочетаются и воплощаются синкретичные технико-морфологические показатели⁷⁹. Появление поселений атымьинского типа связано с миграцией на север среднеуральского и притобольского населения⁸⁰.

А. Ф. Шорин также указывает на специфику материалов Кондинской низменности на фоне известных энеолитических памятников. Он говорит об их существенном сходстве с аятскими и липчинскими комплексами Среднего Зауралья. По его мнению, они тяготеют к материалам Нижнего Приобья (Амня IА, Сартынья I, Малый Атлым и др.) североуральской провинции, входящей наряду с горно-лесной зауральской и казахстанской в состав культурно-исторической области (КИО) культур гребенчатого геометризма⁸¹.

В. С. Мосин отмечает оригинальность керамики атымьинских поселений, сочетающей липчинские и аятские черты⁸². К первым он относит отступающе-накольчатую манеру исполнения узоров, наличие среди мотивов высоких треугольников, вертикальных заштрихованных полос, вертикальное деление орнаментальных зон, использование ямок. Ко вторым – преобладание оттисков гребенчатого штампа, наличие простых и геометрических мотивов, среди геометрических мотивов – ромбы, низкие треугольники, зигзаг; среди простых – полосы оттисков штампа, «шагающей гребенки». Он рассматривает атымьинскую керамику как синкретичную, объясняя подобный облик тесными контактами разных групп населения и, как следствие, или смешением двух орнаментальных традиций – аятской и липчинской⁸³. Его позиция сближается с мнениями Н. М. Чаиркиной и А. Ф. Шорина, на взгляды которых повлияли стереотипы, сложившиеся в отношении облика липчинской керамики. Напомню, что они являются сторонниками ее «классического» определения.

Принадлежность атымьинских поселений верховьев р. Тавды к памятникам липчинской культуры не отрицают В. Т. Ковалева и Т. Ю. Клементьева. Они замечают, что липчинское население, оставившее их, было вытеснено в малообжитые районы Северного Зауралья с других территорий⁸⁴.

Из приведенных комментариев в отношении северных материалов следует, что некоторые из коллег по-прежнему не допускают существования многокомпонентных керамических комплексов липчинского типа. Они предпочитают работать в рамках привычных типологических схем, разработанных на нестратифицированных памятниках Урала, которые переносятся на новые районы. Как следствие, поселенческие комплексы бассейна р. Атымьи делятся на составляющие компоненты (липчинские, аятские) с последующим объявлением их смешанного характера.

Подобное обращение с материалами памятников атымьинского типа, включающих однослойные и стратифицированные поселения, напоминает подходы в определении культурной принадлежности поселения ЮАО–VIII. Дискуссии по

⁷⁸ Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. С. 17–19; Она же. Липчинский тип памятников // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 308–309.

⁷⁹ Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. С. 19.

⁸⁰ Там же. С. 271.

⁸¹ Шорин А. Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий. С. 19, 21.

⁸² Мосин В. С. Каменный век // Серия «Этногенез уральских народов». Древняя история Южного Зауралья. Т. I. Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск, 2000. С. 92.

⁸³ Мосин В. С. Каменный век. С. 92.

⁸⁴ Ковалева В. Т., Клементьева Т. Ю. Указ. соч. С. 18.

этому поводу не прекращаются до настоящего времени и, видимо, еще далеки от завершения. Попытки разделения на составляющие типы единых керамических комплексов подобных ЮАО–VIII, Атымья VII и других действительно упрощают их восприятие, но являются по своей сути контрпродуктивными. Дело в том, что любые упрощения, включая типологические построения, неизбежно ведут к искажению изучаемого явления. По этому можно согласиться с мнением коллег об актуальности проблемы источника в изучении урало-сибирского энеолита⁸⁵.

За рамками работы остались многие важные вопросы, касающиеся памятников липчинского типа и, прежде всего, их периодизация. По оценкам исследователей они существовали почти все III тыс. до н.э. и, разумеется, с течением времени меняли свой облик. Выяснение динамики культуры восточноуральского и западносибирского населения, нашедшее отражение в археологических материалах, в том числе и в керамике, является одной из важных задач. Скорее всего, что липчинские поселения с нерасчлененными (синкретическими) керамическими комплексами будут занимать самую нижнюю хронологическую позицию. В дальнейшем в декоре посуды будут доминировать композиции, выполненные гребенчатыми штампами (Урал) или орнаментальные схемы с ямочными узорами (Притоболье, бассейн р. Конды).

---

⁸⁵ Ковалева В. Т., Чаиркина Н. М. Этнокультурные и этногенетические процессы. С. 61.